

6.2. Из выступлений разных лет

6.2.1. «ОБИЛИЕ УМА И ОБИЛИЕ СЕРДЦА...»

П. С. Александров

Выступления 18.10.1957 г. на заседании Объединённого Учёного Совета геофизических институтов АН СССР, посвящённом памяти О. Ю. Шмидта (к первой годовщине его кончины) и 18.01.1981 г. на Телецентре¹⁾.

Моя первая встреча с Отто Юльевичем Шмидтом произошла в такое же холодное, осеннее время, как сейчас, в конце ноября 1920 г. — 37 лет тому назад в одной из плохо отапливавшихся тогда аудиторий Московского университета на Моховой. Это было на собрании, посвящённом организации Московского института математических наук — МИМН.

Если не ошибаюсь, по крайней мере, в том круге наук, который мне близок, это была первая попытка создания научно-исследовательского института, т.е. той основной формы, в которой проходит сейчас научная работа в нашей стране. Тогда эта форма была совершенно нова. Академия Наук в то время была совершенно не тем, что она представляет собою сейчас. Она находилась тогда в Ленинграде, который ещё назывался Петроградом. Научная жизнь сосредоточивалась в университетах и естественно дробилась по отдельным научным кафедрам. В Московском университете тоже были отдельные крупные учёные, отдельные научные коллективы, но ничего подобного той массовой организации научной жизни, которая имеется сейчас, тогда не было.

[Тогда возник план образования Института математики и механики в общей системе ассоциации научно-исследовательских Институтов. Это была совершенно новая форма научной работы и новая номенклатура для научных и научно-учебных заведений Московского университета. Ни о каких научных Институтах такого профиля в области математики до того времени не было речи. Надо сказать, что Отто Юльевич, который играл основную роль в осуществлении этого плана, явился к нам в Университет и попал в среду довольно консервативных, академически настроенных учёных, весьма сдержанно относившихся к нововведениям, производимым Советской Властью.] Отто Юльевич, как и во многих других областях культурной жизни, и здесь был пионером и инициатором. Именно в математике — тогда своей основной и единственной областью научной активности — он проявил эту инициативу и выступил с планом организации математического института.

¹⁾ Дополняющие фрагменты из выступления академика П. С. Александрова на Телецентре в 1981 г. в связи с 80-летней годовщиной со дня рождения О. Ю. Шмидта, выделены квадратными скобками. — *Прим. ред.*

Естественно, что в то время, когда Советская республика существовала ещё только три года, когда далеко ещё не было преодолено сопротивление в значительных кругах старой интеллигенции вообще советским идеям, его доклад был встречен с недоверием. А он был тогда совсем молод, ему было 29 лет.

Известно было, что этот человек занимает много административных постов в самых различных областях строительства, и было неясно — пришёл ли он сюда, в университет, чтобы заниматься наукой, или это советский администратор, который будет ломать все сложившиеся традиции и всюду наводить большевистский порядок. Именно такое настроение среди старой профессуры, иногда консервативной, иногда реакционной, вызвало первое появление Отто Юльевича.

Помню те горячие прения, которые были. И помню, как непередаваемым обаянием своей личности, которое было присуще Отто Юльевичу, силой и ясностью ума, той готовностью и умением понимать самые различные точки зрения и умением неверные точки зрения преодолевать не криком, не стучанием кулаком, а именно убеждением и более сильной, тонкой, внутренней интеллигентностью, помню, что Отто Юльевич сразу возбудил к себе симпатии среди самых консервативно настроенных московских математиков.

И все, кто вообще способен был что-либо понимать, сразу увидели, что тут появился большой и талантливый человек, несмотря на то, что математикам было известно, что этот человек работает в одной очень специальной области математики — теории групп, которая не занимала тогда такого положения в математике, какое занимает теперь (кстати, область, которой в Москве тогда никто не занимался). Словом эти работы большого интереса аудитории не возбуждали.

[Вся роль его первой монографии¹⁾ в истории науки была оценена значительно позже. Дело в том, что это была первая монография по теории групп, написанная с точки зрения общей теории групп, где речь шла не только о конечных, но и о бесконечных группах. В те времена написать такую монографию значило существенно опередить своё время. Но это и я, в частности как математик, узнал значительно позже, — в середине 20-х годов. А в то время, когда я впервые познакомился с О. Ю. Шмидтом, я только знал, что он автор нескольких работ по теории групп.]

И Отто Юльевич, несмотря на все эти настроения и сомнения, этот лёд пробивал и по существу воздействием своей личности добивался привлечения сомневающихся и колеблющихся из нашей интеллигенции к новым путям исторического развития, на которые вставала наша страна.

[Учёные Московского университета, которые собрались здесь, все вместе, начиная с профессоров и кончая молодыми математиками (к числу которых принадлежал тогда и я), увидели человека совсем не похожего на какого-нибудь деятеля, скажем, Наркомпроса. Прежде всего, сразу же было ясно, что это математик, и он сразу заговорил с учёными, как учёный, как математик,

¹⁾ Монография О. Ю. Шмидта — Абстрактная теория групп. — Киев, 1916. — 285 с.

а не как политический деятель. Этим он очень быстро настроил аудиторию на понимание того, что большевики пришли вовсе не затем, чтобы разрушать науку, а затем, чтобы находить новые и наиболее целесообразные формы. В частности, мы, молодые математики, с большим энтузиазмом встретили то, о чём говорил нам Отто Юльевич. Вся эта форма научной работы, связанной с преподаванием, но не непосредственно обусловленной ею, нас, конечно, очень привлекала; и то обстоятельство, что все мы рассматривались как сложившиеся учёные, хотя многие из нас только начинали научную работу, нам, конечно, тоже очень импонировало. Но оказалось, что эта форма организации очень плодотворна, и с тех пор она заняла прочное место, в частности и в Московском университете.]

Потом пошли доклады Отто Юльевича в Математическом обществе. Иногда экстравагантные, а потом серьёзные, академические доклады непосредственно по специальности, по теории групп, где он был большим специалистом.

В конце концов, очень быстро произошло то, что идеи Отто Юльевича о создании математического и вообще научных институтов при Университете, восторжествовали. Эти институты скоро образовались, и все почувствовали себя в них хорошо и поняли, что это новая форма научной жизни,

Я был совсем молодым человеком — разница между мною и Отто Юльевичем — пять лет, ему было 29 лет, мне 24 года, я только начал свою доцентскую деятельность в университете, но Отто Юльевич очень скоро всех нас привлёк к себе и сделался желанным и постоянным членом нашего преподавательского коллектива, начиная от самых молодых и кончая маститыми, почтенными, руководящими учёными.

[Такова была моя первая встреча с Отто Юльевичем. Впоследствии мы постоянно встречались с ним. Отто Юльевич необыкновенным обаянием своей личности завоёвывал всё новые и новые круги учёных, в частности математиков. Но кроме таких встреч в Университете других контактов у нас не было.

Эти другие формы сами собой возникли во время заграничной поездки в Гёттинген — математическую столицу мира того времени.] Здесь в своё время работали Гаусс, Риман, Дирихле, Клейн, а в годы, о которых идёт речь, там был Гильберт — величайший математик последних десятилетий XIX века и первой четверти XX века. [Поездку туда я предпринял по командировке Наркомпроса вместе с безвременно вскоре скончавшимся очень талантливым советским математиком П. С. Урысоном, моим близким другом. И в одном из наших путешествий, это было в 1923–24 гг., мы встретились с Отто Юльевичем Шмидтом. Потом, в 1927 г., Отто Юльевич приехал туда уже в качестве математика, рассказавшего об открытиях, сделанных им.]

В этот мировой научный центр во время летнего семестра стекались учёные со всех концов земного шара, и считалось чрезвычайно большой честью делать доклад в таком действительно первоклассном коллективе.

Отто Юльевич приехал туда в научную командировку, оторвавшись на короткое время от своих уже тогда очень разнообразных занятий. В частно-

сти, он был в то время директором Госиздата, главным редактором Большой Советской Энциклопедии, первое издание которой останется поразительным памятником молодой советской культуры. Если говорить обо всей многогранной деятельности Отто Юльевича, то сколько бы потребовалось таких собраний!

[Тогда и была доказана эта знаменитая теорема Шмидта из общей теории групп, — теорема, которая в настоящее время считается классической, вошедшая во все учебники теории групп. Доклады Шмидта имели огромный успех. Он сразу же вступил в контакт с выдающейся представительницей общей алгебры в Гёттингене, эта была профессор Эмми Нётер, одна из создательниц современной общей алгебры. И таким образом, Отто Юльевич сразу попал в самый центр в той области математики, которая его притягивала больше всего. Одновременно он получил большое признание со стороны старших гёттингенских математиков и, прежде всего, Гильберта.]

В 1927 г. Отто Юльевичу было 36 лет и, вырвавшись на два месяца из обстановки крайне напряжённой работы, он, по его собственным словам, ушёл целиком в научную работу в области математики. И ему достаточно было этих, по существу, нескольких недель досуга, чтобы не только овладеть всем тем, что было сделано в этой области в эту эпоху и стать на абсолютном уровне последних достижений алгебры того времени, но и сразу же самому обогатить эту науку результатами абсолютно собственными, абсолютно первоклассными исследованиями. Здесь присутствует профессор Александр Геннадиевич Курош, являющийся учеником Отто Юльевича — в теории групп всецело, тут я делаю оговорку, он и мой ученик и я испытываю некоторую ревность и не хочу целиком отдать его Отто Юльевичу; но в области теории групп он является учеником Отто Юльевича — и он может судить, насколько теорема, известная под именем теоремы Шмидта, насколько это фундаментальный результат; я скажу только, что такие теоремы в каждой области математики насчитываются лишь единицами. Математика устроена так, что состоит из нескольких областей, и в каждой области имеется несколько фундаментальных фактов, вокруг которых концентрируются дальнейшие исследования. Теорема Отто Юльевича Шмидта в теории групп принадлежит именно к таким, большим, фундаментальным открытиям, которые останутся в науке навсегда.

Я прекрасно помню заседание Гёттингенского математического общества под председательством Гильберта, на котором О. Ю. Шмидт излагал свою теорему. Гильберт не на все заседания являлся, ему было 64 года, и он берёт свои силы. Но на доклад О. Ю. Шмидта он пришёл.

Я помню впечатление, которое произвёл этот блестящий доклад — не только по содержанию, но и по форме, по блеску немецкого языка, на котором он был сделан. Со всех точек зрения доклад Отто Юльевича был гвоздём научного сезона в таком месте, где люди были избалованы и знали цену хорошему докладу, и выступать перед ними было очень ответственным делом. Но это было самое блестящее событие в математической жизни Гёттингена

лета 1927 года, богатого большими событиями. Этим летом в Гёттингене были Биркгоф, Винер и было впервые зарегистрировано рождение новых теорий.

Естественно, что это было не только признание О. Ю. как выдающегося математика. Его выступление имело и огромное политическое значение. — В самом деле — присутствует целый мир самой избранной научной интеллигенции! И приехал из Советского Союза крупный общественно-политический деятель, который делает блестящее математическое открытие и так блестяще его излагает.

Успех Отто Юльевича стал своего рода сенсацией. Его приглашали на расхват не только в учёные семейства, но и на все возможные официальные приёмы, и учёные женщины просили его выступить, и так без конца. Но уже приближался конец семестра, и вскоре он уехал из Гёттингена.

В Гёттингене мы с Отто Юльевичем особенно много, запросто и сердечно встречались в самых разнообразных обстоятельствах — не только на научных заседаниях, не только на лекциях, которые все мы слушали, но и во время прогулок, в гостях, потому что нас приглашали многочисленные крупные гёттингенские учёные. Здесь я впервые узнал Отто Юльевича как человека.

[Отто Юльевич был очень открытый человек, делился своими мыслями: и научными, и философскими и общественными. Он был чрезвычайно интересным собеседником и обаятельным человеком. Это его необыкновенное человеческое обаяние, которое произвело на меня впечатление, и привело к тому, что знакомство перешло в дружеские отношения.]

Даже не хочется говорить такие избитые слова, как поразительный, многогранный, разносторонний. Всё это не передаёт того, что хочется сказать об этом человеке. Поразительно было богатство этой человеческой личности, которая была через край — личности интеллектуальной, эмоциональной, социальной. Поразительной была эта способность всем интересоваться, всё понимать, на всё реагировать, на всё откликаться, способность ко всему разнообразию жизненных явлений подойти как-то по-своему, «своим умом», а ум у Отто Юльевича был большой и, если так можно выразиться, «тёплый», согретый любовью к человеку, доброжелательностью, хорошим, тонким юмором. «Обилие» — вот, пожалуй, то слово, которое приходит, когда думаешь о личности О. Ю. Шмидта. Обилие ума и обилие сердца, полное развитие человеческой личности в её интеллектуальном, эстетическом, волевом, эмоциональном и социальном аспектах.

За мою долгую жизнь мне пришлось встречаться с большим числом выдающихся людей в различных областях. Я знал почти всех больших математиков довольно длительной эпохи и выдающихся представителей других специальностей — музыкантов, врачей, но мои впечатления об Отто Юльевиче — совершенно уникальные. Мне ни разу не пришлось встретить в своей жизни другого человека, который бы так поражал масштабами своей человеческой личности. В Гёттингене я воспринял Отто Юльевича и с этой стороны.

Следующий этап моих воспоминаний — начало 30-х годов, эпоха больших перестроек, больших реорганизаций в области высшей школы, в области

науки. И всегда, когда происходит такое большое, новое дело, бывает и много трудностей и прямых ошибок.

Надо сказать, что в советской высшей школе, которая полностью сформировалась в первом пятилетии 30-х годов, не было гладко и не обошлось без многих уклонов, и ошибок.

Отто Юльевич во всём этом кипении, которое чрезвычайно нарушало нормальную жизнь школы, разумно и твёрдо взял совершенно правильный курс на введение всех необходимых новых начал, на ломку того, что устарело, но в то же время на сохранение всего хорошего и здорового, что было в старых университетских традициях. Проводить эту точку зрения порой было нелёгкой задачей.

Тогда было увлечение бригадно-лабораторным методом и делалось много всякого вздора. Отто Юльевич очень смело боролся с этим вздором, не боясь, что он со стороны левых уклонистов будет награждён «клеймом» человека, поддерживающего всё старое, реакционное.

В это время Отто Юльевич стал директором Научно-исследовательского института математики Московского университета, и речь шла о сохранении нашего основного математического журнала «Математический сборник». Раздавались голоса, что журнал совершенно устарел, что никакой *чистой* математики не должно быть, должна быть математика только прикладная, которая отвечает непосредственным потребностям сегодняшнего дня.

Отто Юльевич решительно этому воспрепятствовал. Встав в этот момент во главе «Математического сборника», О. Ю. Шмидт твёрдо и решительно повёл борьбу с всякими возникавшими тогда вульгаризаторскими тенденциями и придал журналу тот характер серьёзной научности, который он сохраняет до сих пор. Многолетний период, в течение которого О. Ю. Шмидт был главным редактором журнала, — это годы не только огромного его роста, но и время, когда он твёрдо завоевал положение одного из первых математических журналов мира. О. Ю. Шмидт был его главным редактором до послевоенного периода (от этой работы он отказался в 1948 г.).

[Начиная с 30-х годов, Отто Юльевич отошёл от математики, тогда на первый план его жизни выходят его полярные исследования, которым предшествовали его большие альпинистские путешествия. Следующие наши встречи с Отто Юльевичем были уже на другой почве — это была Академия наук и, прежде всего, в тяжёлый 1941 год, когда на плечи Отто Юльевича ложится эвакуация Академии наук в Казань. Я считаю, что он очень много сделал здесь. Мы все тогда с большим удовлетворением воспринимали основную линию, которую Отто Юльевич вёл как организатор, что даже в эти трудные годы войны Отто Юльевич считал необходимым отдаваться науке в целом, не ограничиваясь узкоприкладными её областями. При всём разнообразии, которое Отто Юльевич вкладывал в эти собрания, несмотря и на то, что он был научным мыслителем в разных областях науки, может быть, ещё большее впечатление производила личность Отто Юльевича Шмидта, в полном смысле слова выдающегося человека.]

Дальше я вспоминаю Казань 1941–1942 гг. Но я вспоминаю и работу Отто Юльевича в Академии наук до этого, когда старая академия реорганизовалась в новую, вспоминаю происходившие при значительной организационной помощи Отто Юльевича выборы 1929 г., вспоминаю выборы 1939 г., когда была создана Академия наук, которую мы сейчас имеем, и здесь роль Отто Юльевича будет забываема. Много важного и хорошего сделал он для нашей Академии. Он привлёк многих талантливых учёных, особенно из молодых, и всегда решительно боролся с затхлым духом «академизма». Нет ничего удивительного, что деятельность Отто Юльевича вызвала много критики. Я лично по совести своей считал и буду всегда считать, что то, что Отто Юльевич делал в организационной работе Академии, было большим благом.

Наступило грозное лето 1941 г. Чрезвычайно трудной организационной задачей была эвакуация Академии в Казань. Никогда не забуду тот напор не столько некоторого десятка академиков, сколько большого числа жён академиков, которые с колоссальной пробивающей силой наводняли кабинет Отто Юльевича и говорили и о том, что и кровати с недостаточно мягкими сетками академиком дают, и то и другое. И этот большой человек, сам учёный крупнейшего масштаба, должен был заниматься всеми этими дразгами и такого рода вещами, должен был заниматься потому, что в тот момент, по-видимому, нельзя было этим не заниматься, потому что некому было.

Находились весьма авторитетные научные деятели — мне, в частности, говорил один очень крупный физик, сейчас имеющий на себе золотую звезду, следовательно, Герой Социалистического труда, о том, что если мы занимаемся атомной физикой, то это несвоевременно во время войны, и нужно заниматься не теми вещами, которые могут быть осуществимы только в будущем, а теми, которые должны быть применимы к делу сейчас, не заниматься ерундой — атомными ядрами. Отто Юльевич имел большое мужество протестовать против таких голосов. Помню, например, удручающее собрание, на котором было сказано, что математики, которые занимаются прикладными вещами, будут получать 800 граммов хлеба, а те, кто занимается не прикладными — 600 граммов. Я занимался не прикладными вещами, и мне говорили — может быть, перейдёте на семинар по аэромеханике? — Как же я могу перейти, когда я в этом не понимаю ничего. — Да вас никто и спрашивать не будет! Просто сидите. — Нет, сказал я, не пойду, я вышел из возраста, чтобы сидеть и глазами хлопать на семинаре, в котором ничего не понимаю!

Отто Юльевич пригласил нас к себе и сказал, что военная обстановка требует того, чтобы люди делали и проблемные, теоретические вещи в любой отрасли науки, потому что это себя оправдывает. Это были слова большого человека и дальновидного организатора науки.

Я никогда не забуду выступление О. Ю. Шмидта перед научными работниками Академии о стоящих перед ними задачах. В этой речи он, естественно, подчёркивал основную, руководящую роль исследований, так или иначе связанных с потребностями обороны страны. Но и тогда он возражал против узко ведомственных требований переключить всех учёных Академии на одну

лишь прикладную работу. Между тем призывы к прекращению теоретических исследований иногда раздавались и в стенах Академии. Я помню, как, возражая против них, Отто Юльевич говорил, что и в военной обстановке даже чисто теоретические исследования оправдывают себя, если они будут посвящены действительно большим проблемам, что условия военного времени не терпят никакого научного крохоборства, занятия мелочами.

Вы знаете, как трагически кончилась и, на мой взгляд, незаслуженно, о чём я тогда же Отто Юльевичу сказал, его работа в Академии наук. Помню, как всевозможные деятели аппарата Академии наук, которые накануне отвечали ему чуть не поясные поклоны, на другой день после его отстранения от руководящей работы уже делали вид, что они его не замечают.

Помню, как А. Ф. Иоффе¹⁾ тогда устроил собрание нашего Отделения и оставил незанятым место, которое обычно занимал Отто Юльевич, а сам сел в стороне и председательствовал на этом собрании не с председательского места. Словом, много тогда проявилось разных сторон человеческой души.

Болезнь Отто Юльевича обострилась, но вновь, несмотря на то, что у него произошло переключение на совершенно другой образ жизни, Отто Юльевич нашёл область первоклассного применения своего творчества — то, о чём здесь только что говорили. Я знаю, что его работа в области космогонии была дискуссионной, как дискуссионны все смелые мысли. Я не берусь судить, это не моя специальность, каково то окончательное место, которое займут в науке космогонические идеи Шмидта, но я знаю, что Отто Юльевич и здесь проявил себя ярким и большим человеком, каким он был во всех областях, с которыми соприкасался.

В самые последние месяцы жизни Отто Юльевича мне, к сожалению, не пришлось его видеть, и это обстоятельство наполняет меня очень большой болью каждый раз, когда я об этом вспоминаю, а вспоминаю я об этом часто. Но я видел его за два года до смерти в больнице, в Сокольниках. Это, пожалуй, было одно из последних впечатлений об Отто Юльевиче и оно вновь как бы сомкнулось с тем первым впечатлением, которое я получил в самые ранние годы знакомства с ним. Это — впечатление о нём, как о человеке большого ума, большого интеллекта, потому что интеллект — это не только ум, но и способность к творческим озарениям, человеку большого сердца и большой широты в отношении ко всему решительно, что только наполняет жизнь человеческой личности.

Когда я сидел и слышал здесь воспоминания об Отто Юльевиче, о популярном исследователе, обо всех его теплотехнических и прочих идеях, о его организационном таланте, который проявился в такой боевой обстановке борьбы со стихией, я невольно думал — неужели всё это касается одного и того же человека. И это как раз и есть то, чего я никогда в жизни больше не встречал. Как могло случиться, чтобы в одном человеке жили столь различные стороны человеческого характера, нужные для творческой

¹⁾ Академик Абрам Фёдорович Иоффе был назначен на место О. Ю. Шмидта 8 мая 1942 г. — Прим. ред.

деятельности в столь различных областях; свойства характера, казалось бы, взаимно исключают друг друга, когда человек думает и как вести ледокол, когда там нет топлива, и придумывает абстрактнейшие теоремы. И мне кажется, что мы совершенно недостаточно оцениваем масштаб личности Отто Юльевича Шмидта. Все годы, которые я знал Отто Юльевича, я его очень любил, и мне больно, что масштаб его личности недостаточно оценен, просто забыто, что инициатором многого, происходившего у нас, был Отто Юльевич. По существу след, оставленный им в нашей советской культуре, гораздо значительнее, чем это понимают и знают и в Академии наук, и в Университете и в других местах.

И мне хочется сказать, что мы — математики как товарищи по его первой специальности (первой — хронологически) знаем и помним, и любим Отто Юльевича. И те, кому посчастливилось с ним работать в какой бы то ни было области из многочисленных областей его творчества, кому посчастливилось хотя бы небольшой участок своего жизненного пути пройти рядом с ним, они никогда его не забудут и навсегда сохранят воспоминание о нём в числе самых дорогих своих воспоминаний в самой глубине своей души.

«Всё знать невозможно. Но можно и нужно чувствовать свою работу частью огромного целого, любить это дело и — в основных чертах — знать и понимать его. Если не сумеем всё знать, постараемся знать побольше, и главное, поглубже, т.е. не столько факты и детали, сколько основные законы, — так знать, чтобы они стали частью нашей культуры, нашего мировоззрения, чтобы помогли и в нашей узкой работе по специальности.»

Эти слова О. Ю. Шмидта являются его завещанием об отношении к науке, которую он страстно любил и бесконечно ценил.

6.2.2. Я ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ ДВУМЯ ЯРКИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ...

И. М. Майский

Из выступления 22.09.1961 г. в Обществе «Знание».

Я не собираюсь касаться той или иной многогранной научной и общественной деятельности Отто Юльевича, как это уже сделали сегодня некоторые из более компетентных товарищей и как это ещё сделают некоторые другие. Я хочу просто поделиться с вами двумя яркими воспоминаниями, связанными в моём сознании с именем Отто Юльевича Шмидта.

Моё первое воспоминание относится к 1934 г. Это было необыкновенно тяжёлое и вместе с тем необыкновенно славное время для Отто Юльевича. То было время знаменитой «Челюскинской эпопеи». Мне незачем останавливаться на её подробностях, они всем известны. Достаточно будет лишь сказать, что в феврале 1934 г. корабль «Челюскин» был раздавлен льдами в Северном Ледовитом океане и 104 человека, в том числе женщины и дети, оказались на дрейфующей льдине.

Буржуазные эксперты, даже такие видные норвежские полярники, как Ларсен и Свердруп, приговорили челюскинцев к смерти. Спасение их было возможно только с помощью авиации. Но на далёком арктическом побережье не было самолётов, а на льдине, ставшей убежищем для потерпевших крушение людей, не было подходящей посадочной площадки. Мировая капиталистическая печать, превратившая гибель «Челюскинцев» в крикливую сенсацию, уже пела нашим товарищам отходную.

Но советская страна не могла примириться с таким трагическим финалом и не допустила его... Советское правительство, все организации трудящихся, научные учреждения, воздушный флот, колония челюскинцев на льду, проявили в эти трагические дни совершенно исключительное мужество, благородство, энергию, целеустремлённость, и в результате природа была побеждена.

Очень большую роль в счастливом исходе суровой полярной драмы сыграло поведение людей на дрейфующей льдине.

Пока шла подготовка спасения, занявшая около двух месяцев, на льдине шла уверенная и организованная жизнь здорового советского коллектива. Это была заслуга, прежде всего, его руководителя — Отто Юльевича Шмидта, который проявил в этих трудных и сложных условиях мужество, твёрдость и организаторский талант. Он был подлинным вдохновителем всей колонии, он находил самые разнообразные средства для поддержания бодрости духа своих товарищей, в том числе на этой дрейфующей льдине он создал кружки, в которых читал лекции по диалектическому материализму.

Полярные драмы всегда вызывали в сердцах людей чувство симпатии и восхищения и поэтому неудивительно, что весь мир с затаённым дыханием следил за каждым событием из жизни Челюскинской колонии. В эпопею Челюскинцев было так много чисто человеческого драматизма, что она захватила воображение сотен миллионов людей во всех концах земного шара независимо от их взглядов, партийной принадлежности или социального положения. Никогда ещё не было события, которое бы с такой необычайной силой приковало внимание к нашей стране, к нашим людям и притом внимание не враждебное, а сочувственное. Челюскинские дни дошли до каждого рабочего и крестьянского дома, и тот факт, что полярная драма не превратилась в трагедию, а наоборот, стала исходной точкой блестящей победы человека над природой, глубоко поразил всех, и капиталистическая печать, ещё недавно считавшая челюскинцев обречёнными, была полна похвал и восторгов, как по их адресу, так и по адресу их спасителей. Многие выдающиеся люди на Западе не скрывали своего восхищения. Помню, как раз в это время — я был тогда советским послом в Англии — я встретил знаменитого драматурга Бернарда Шоу, знаменитого писателя, привыкшего вообще саркастически смотреть на жизнь. На этот раз он восхищался Отто Юльевичем, челюскинцами, советскими лётчиками, советским правительством. Потом ударил одной рукой о другую, это был его характерный жест, и сказал: «Что вы за страна. Полярную трагедию вы превратили в национальное торжество, даже